

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕГРАДАЦИИ И КРАХА СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА*

© 2014 г. Ф. Попов

Исследуется связь между двумя категориями процессов, протекающих внутри суверенного государства: его деградацией, приводящей в пределе к краху, и фактическим дроблением его политического пространства. Данные процессы рассматриваются как две стороны одного явления. Особое внимание уделено понятиям “слабого государства”, “неудавшегося государства” и “коллапсировавшего государства”. Анализируется их соотношение с распространенным в русскоязычной политологической литературе понятием “распад государства”.

Ключевые слова: фактическая сецессия, распад государства, квазигосударственность, квазигосударство, неудавшееся государство, слабое государство.

В современной русскоязычной (в том числе переводной) политологической литературе широкое распространение получило понятие “*распад государства*”, смысл которого зачастую заметно разнится от работы к работе. В начале 90-х годов XX в. авторы писали преимущественно о распаде СССР, Югославии и Чехословакии, имея в виду юридически оформленное разделение суверенной державы на столь же легитимные в глазах мирового сообщества государства. Когда актуальность такого рода процессов снизилась, термин стали часто использовать для обозначения потери центральным правительством уже фактического контроля над какими-либо участками территории страны: распад СССР в фокусе исследования сменился распадом Сомали, а дробление политического пространства де-юре – дроблением де-факто [5; 9]. Приобретенная таким образом семантическая неоднозначность превратила термин в своего рода журналистский штамп, пригодный для броских заявлений, но слабо инкорпорируемый в политологический лексикон.

В дальнейшем термин стал использоваться и для перевода понятия *state failure*, первоначально

лишенного коннотации пространственного расчленения государства под действием внутренних сил. *State failure* – это деградация государства, его крах, коллапс. Характерно, что производное от него понятие *failed state* – государство, утратившее большую часть своей состоятельности в результате подобных процессов – чаще переводится не как “распавшееся государство”, а как “*неудавшееся государство*” или “*несостоявшееся/несостоятельное государство*” (также “недееспособное”, “фиктивное”, “дисфункциональное” государство – различные варианты переводов можно найти, к примеру, в работах политолога А. Кустарева [4, с. 17]). Иными словами, писать о “распаде” Афганистана или Молдавии корректно разве что в кавычках.

Вместе с тем в настоящей статье выдвигается тезис о принципиально пространственном характере процессов краха, деградации и ослабления государства. Снижение государственной состоятельности всегда сопряжено с пространственными “потерями”, выпадением отдельных регионов из “ткани” государства, фрагментацией его политического пространства. Не будет большим преувеличением сказать, что все государства мира так или иначе ослаблены и подвержены деградации, концентрирующейся на определенных территориях. Но если в одних случаях “проблемные регионы” занимают ничтожные площади и в целом недолговечны, то в других они могут покрывать все государство целиком, что создает иллюзию “распада”. Анализу связи между процессами ослабления государства и фактическим дроблением его политического пространства и посвящена данная статья.

ПОПОВ Федор Аркадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, РФ, 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12; научный сотрудник Института географии РАН, РФ, 119017 Москва, Старомонетный переулок, 29; научный сотрудник МГУ, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, географический факультет МГУ (fpopov15@gmail.com).

* Настоящая статья выполнена при поддержке проекта 7-й Европейской рамочной программы “*Bordering, Political Landscapes and Social Arenas: Potentials and Challenges of Evolving Border Concepts in a post-Cold War World (EUROBORDERSCAPES)*”.

ФЕНОМЕН ФАКТИЧЕСКОЙ СЕЦЕССИИ

Рассуждая о государстве как об идеальном объекте, легко допустить, что его территория представляет собой сплошную проекцию государственной власти на политическое пространство. В действительности же такая картина едва ли возможна. Временное выпадение из поля власти государства тех или иных участков его территории – явление настолько повсеместное, что вполне корректно говорить о нем как о чем-то естественном. Любое нарушение закона уже может формально рассматриваться как индикатор неполноты власти, в том числе, и в пространственном аспекте, – когда оно локализовано на определенной территории, выводимой на некоторый промежуток времени из-под юрисдикции государства. И если точкой, в которой было совершено единичное правонарушение, при анализе разрывности поля власти государства можно пренебречь, то в отношении более обширных регионов, где ограниченность власти центра заметнее, это не так очевидно.

Из-под управления легитимных органов государственной власти так или иначе могут выводиться отдельные кварталы, районы городов (трущобные пригороды Лагоса, Карачи, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Лимы, Мехико и т. п., “цветные гетто” в городах США и ЮАР, часть католических кварталов Белфаста и Лондондерри), населенные пункты и их группы (например, Париж периода Парижской коммуны, многочисленные поселения в дельте Нигера, на севере Уганды, в глубинных районах ДР Конго и Колумбии, внутри “Золотого треугольника”), наконец, целостные регионы (Косово, Абхазия, Приднестровье, Северный Кипр, Сомалиленд, Тайвань и пр.). Их автономность может сохраняться десятилетиями, а может носить временный и спорадический характер, отражая общую социально-политическую нестабильность в регионе – порой контроль над территорией меняется в зависимости от сезона или даже времени суток. Сами категории контроля/власти/юрисдикции могут определяться на основе совершенно разных критериев, рассматриваться с различных позиций, что существенно влияет на конфигурацию формируемых ими проекций. Наложение таких проекций позволяет выделить “полуконтролируемые” государством территории.

Таким образом, политическое пространство любого суверенного государства или его части можно изобразить в виде пестрой мозаики накладывающихся друг на друга полей власти с непрерывно изменяющимися границами. Одно из полей, обычно (но не всегда) наиболее стабильное и имеющее наибольшую площадь, фор-

мирует государственная власть, тогда как прочие представляют собой неконтролируемые или частично контролируемые центром территории. После генерализации, устраняющей прежде всего точечные и “мерцающие” объекты, полученный статичный рисунок можно рассматривать как своего рода “реальную” политическую карту региона, отражающую – с высокой долей условности – действительное распределение власти по территории.

Нарушение поля государственной власти может быть вызвано переходом территории под фактическое управление другого государства, то есть ее оккупацией, однако в большинстве случаев дезинтеграционный импульс исходит изнутри вычленяемого региона и сопровождается возникновением нового центра (центров) негосударственной власти. Несмотря на чрезвычайную распространенность таких процессов, единого термина для их обозначения в современной политологической науке не выработано. Наиболее оправданным представляется использовать в этом отношении термин “*фактическая сецессия*”, подчеркивающий сходство процессов с сецессией юридической [10; 11].

Подчеркнем опасность смешения этих двух понятий: юридическая сецессия отличается от фактической настолько же, насколько официальная политическая карта отличается от своих условных и в известной мере субъективных “реальных” альтернатив. Принципиальную разницу между такими процессами отмечает канадский политолог Уэйн Норман: “Существует различие между сецессией и просто политической самостоятельностью, в том числе фактической независимостью от центральных властей... Сецессия – это в сущности ликвидация официального конституционного статуса региона как части старого государства и вступление в новый статус в соответствии с нормами международного права” [26, р. 49]. При фактической сецессии статус региона де-юре остается неизменным, сколь бы далеко процессы дробления ни зашли. “Распад” Сомали может быть похож на распад СССР, но разница между ними гораздо глубже, чем кажется.

Фактическая сецессия осуществляется разнообразными негосударственными политическими акторами, преследующими различные цели. Часто она является следствием стремления какой-либо группы к осуществлению юридической сецессии: самостоятельность де-факто в таком случае рассматривается как паллиатив независимости де-юре, временное состояние, предшествующее его достижению. Но этим генетическое разнообразие ситуаций не исчерпывается.

К фактической сецессии нередко приводят движения, направленные на захват власти во всем государстве. Некоторые исследователи (в частности, американский политический географ Роберт Маккол) считают формирование псевдогосударственных образований в неподконтрольных правительству районах атрибутом всякого масштабного военного конфликта [24]. Действительно, пространственно выраженное перераспределение контроля присутствует при любом вооруженном противостоянии, однако о полноценном разрыве поля государственной власти можно говорить только тогда, когда деятельность повстанцев идет дальше краткосрочных восстаний, пусть и охватывающих обширные пространства, или спорадических партизанских атак, не сопровождающихся формированием долговременных опорных баз.

Один из распространенных сценариев развития фактической сецессии такого рода выглядит следующим образом: в ходе борьбы за власть в стране оппозиционеры захватывают контроль над частью ее территории, затем война переходит в стадию затяжного конфликта и новообразованное поле негосударственной власти “консервируется”. Территория остается под управлением мятежников и приобретает для них самостоятельную ценность. Иногда инсургенты провозглашают независимость этих районов, как это было в ходе гражданской войны в Сомали (Пунтленд, Джуббаленд и др.), но чаще воздерживаются от этого, поскольку такой шаг означал бы отказ от продолжения борьбы за власть во всем государстве. Подобная картина имела место в Северном Чаде, с конца 60-х годов XX в. находившемся под контролем вооруженных групп, которые несколько раз захватывали власть в стране, но никогда не прибегали к сецессионистской риторике.

Сходным образом ситуация может развиваться и в случае победы мятежников, если сторонники свергнутой власти находят убежище в периферийных районах государства. Они тоже могут провозглашать независимость (Республика Логоне в Южном Чаде, созданная южанами после поражения в войне в 1979 г.) или избегать этого, как это до сих пор делают власти Китайской Республики (Тайвань), созданной в 1949 г. укрывшимися на острове сторонниками партии Гоминьдан, которая потерпела поражение на материке.

Другой целью, достижение которой часто сопровождается побочной фактической сецессией, может быть установление контроля над природными ресурсами территории – алмазами (юго-восток Сьерра-Леоне), опиумным маком (периферийные районы Мьянмы и Афганистана),

кокаиновым кустом (глубинные области Колумбии). Провозглашение независимости для таких случаев не характерно, что объясняется нежеланием лидеров привлекать к конфликту излишнее внимание, переводить его в дипломатическую плоскость.

Все вышеописанное относится к фактической сецессии более или менее обширных территорий, тогда как подобные дезинтеграционные процессы могут охватывать и части крупных населенных пунктов. Такое мелкомасштабное дробление политического пространства имеет сугубо криминальные корни – власть здесь значима сама по себе как возможность организовывать жизнь общества в соответствии с удобными для конкретной группы или индивидуума принципами, получать доход посредством поборов с местного населения. Даже при сравнительной слабости централизованной нелегитимной власти создаваемое квазиправовое поле представляет собой ценный ресурс для маргинальных элементов, что способствует сохранению неподконтрольности территории.

КВАЗИГОСУДАРСТВА И КВАЗИГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Как отмечалось выше, соотношение условно-сплошного поля государственной власти и образуемых в нем лагун различается от государства к государству. В одних случаях неподконтрольные центру области настолько малы и неустойчивы во времени, что не оказывают заметного влияния на политическую жизнь государства. В других из-под государственной юрисдикции выпадают целые регионы разного масштаба с более или менее выраженными границами, тогда как на прочей территории центр сохраняет влияние. Иногда же процессы фактической сецессии охватывают практически все государство, де-факто превращая его в полувиртуальное политическое образование (современное Сомали, Афганистан рубежа веков, Сьерра-Леоне и Либерия в 90-е годы XX в. и др.). Подобные образования часто именуются “*квазигосударствами*”, что подчеркивает формальный и даже искусственный характер их государственности – фактически они сохраняют свой статус только благодаря общему соблюдению “международного этикета”.

Авторство термина в значении “государство, похожее на не-государство” принадлежит американскому политологу Роберту Джексону [20]. Джексон не искал корни квазигосударственности в ослаблении некогда устойчивой государственной власти, относя к данной категории формально полноценные государства Третьего мира (прежде

всего Африки), массовое появление которых на карте планеты в середине XX в. было вызвано не столько эндогенными государствообразующими процессами, сколько слепой реализацией принципа национального самоопределения, воспринимавшегося применительно к колониальным владениям как основной механизм достижения политической справедливости. Такие государства обладают “внешним” (“негативным”) суверенитетом, то есть номинальным признанием другими государствами и – самое главное – членством в ООН, однако не способны предоставлять гражданам необходимый спектр услуг, существуют за счет иностранной помощи и эксплуатации природных богатств, то есть лишены “внутреннего” (“позитивного”) суверенитета.

Область применения понятия квазигосударственности (“мнимой государственности”) не ограничена случаями полного краха государства как политико-территориального объекта. Можно говорить о степени квазигосударственности как об условной мере выраженности процессов ослабления суверенного государства. Иными словами, неспособность, к примеру, Молдавии осуществлять эффективное управление на территории Приднестровья, а Бразилии – контролировать фавелы Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, свидетельствует о том, что и Молдавия, и Бразилия являются в какой-то мере квазигосударствами.

В определенной степени квазигосударственность противоположна индексу государственности, разработанному группой российских исследователей в рамках исследовательского проекта “Политический атлас современности” для “определения способности государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ними внутренние и внешние задачи, то есть использовать свои prerogatives суверена” [7, с. 71].

Возникающие внутри “частично мнимых государств” новые поля негосударственной власти сами часто служат основой для формирования разнообразных подвидов государств. Эти политико-территориальные образования характеризуются отдельными атрибутами государственности, во многих аспектах замещают в своих границах деградирующее материнское государство, но нелегитимный характер образующей их власти лишает их искомой международной правосубъектности.

Такие образования тоже обладают некоторой степенью квазигосударственности, понимаемой в противоположном значении: не как “номинальная государственность”, а как “государственность по факту”. Сомалиленд и Тайвань, Северный Кипр

и Косово, часть мексиканского штата Чьяпас и отдельные кварталы Кингстона на Ямайке также нередко именуются квазигосударствами – такой интерпретации термина придерживаются, в частности, американский политолог Гейл Липидус [23, р. 6], отечественные политические географы В.А. Колосов [3, с. 369] и Р.Ф. Туровский [13, сс. 102-103]. Данный парадокс современного политологического лексикона подмечен норвежским исследователем Полом Колсте, называющим подобные политико-территориальные образования “*непризнанными квазигосударствами*” [21]. Упоминается о нем и в других работах [2].

“Двуликость” термина не случайна – недаром Колсте осознанно оставляет в фокусе исследования именно квазигосударство, хотя недостатка в терминах-заменителях у него нет. Выбор подкреплен рядом доводов. Во-первых, квазигосударства обоих типов представляют собой маргинальные пространства, выпавшие из мировой политической системы и являющиеся с позиции практической политики “горячими точками” на карте мира. Во-вторых, они часто сосуществуют на единой территории, соотносясь друг с другом как материнское государство и выпадающий регион. В-третьих, по мнению Колсте, в случае официального признания независимости типового “непризнанного квазигосударства” оно с большой вероятностью трансформируется в квазигосударство по Джексону, так и не покинув, по сути, политической периферии мира [21, р. 725].

Продолжая рассуждения Колсте, можно заключить, что между двумя данными разновидностями квазигосударств существует тесная связь: они не просто органично сочетаются вместе, а буквально формируют друг друга – мнимым государством в той или иной степени становится как любое суверенное государство, не справляющееся с фактической сецессией части ее территории, так и всякая сравнительно автономная часть джексоновского распадающегося государства. Более того, не имеет смысла разделять квазигосударственность А и квазигосударственность Б, формирующие два типа квазигосударств, – логичнее говорить о квазигосударственности как едином явлении, возникающем при нарушении политического пространства государства в результате фактической сецессии и отражающем общую неспособность центрального правительства функционировать как суверенное государство в пределах всей его территории, бороться с суррогатами государственной власти, которые замещают ее в пределах выпадающих регионов.

Необходимо отметить, впрочем, что предложенная идеальная модель в действительности

проявляет себя не столь ярко. Хотя логика “единой квазигосударственности” предполагает, что уменьшение сходства материнского государства с полноценным суверенным государством означает рост степени государствовоподобия формирующихся внутри него политико-территориальных образований и наоборот, эта закономерность выполняется не всегда. Наиболее показательные примеры нелегитимных квазигосударств возникают не на руинах окончательно “рухнувших” государств, а внутри сравнительно стабильных держав, сохраняющих контроль над большей частью территории, тогда как де-факто отмершие “государства-оболочки” распадаются в большинстве своем на менее выраженные в политическом отношении образования, неконтролируемые территории, не обладающие значимыми атрибутами независимого государства.

Вряд ли корректно говорить о полной потере “внутреннего” суверенитета Сербией (с Косово), Молдавией (с Приднестровьем), Грузией (с Южной Осетией и Абхазией), Кипром (с Северным Кипром), а тем более – Китаем (с Тайванем) и Россией середины 90-х годов (с Чечней). В то же время, степень государствовоподобия мьянманских наркоанклавов, вотчин афганских полевых командиров, “серых зон” в Сьерра-Леоне, Либерии, Гаити не настолько велика, чтобы счесть их традиционными “непризнанными квазигосударствами”.

Редким примером развитого “не-государства, похожего на государство”, возникшего на территории “государства, похожего на не-государство”, является Сомалиленд, возглавивший “парад фактических суверенитетов” осколков все еще независимого Сомали. С меньшей уверенностью можно говорить в этом контексте о Северном Кот-д’Ивуаре или Коморских островах Анжуане и Мохели. Однако малая распространенность таких ситуаций не означает ложности самого принципа единой квазигосударственности как общей меры деградации государства, демонстрирующей как его собственную слабость, так и силу возникающих на его территории новых полей нелегитимной негосударственной власти.

КОНЦЕПЦИИ “НЕУДАВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ”

Обратимся к рассмотрению заявленных в начале статьи концепций *state failure* и *failed states*. Характерно, что центральным объектом такого рода политологического исследования обычно выступает не процесс ослабления и краха государства, а его предельная форма – государство, деградировавшее до состояния оболочки, которая

лишена или почти лишена адекватного содержания (*failed state*). Хотя общее содержание понятия в большинстве работ остается неизменным, набор ключевых признаков “неудавшихся государств” различается от автора к автору.

Американские специалисты в области международных отношений Джеральд Хелман и Стивен Ратнер, которым часто приписывается авторство термина *failed state*, обозначают им государство, охваченное гражданскими волнениями или экономической катастрофой с разрушением всей системы власти и тем самым полностью утратившее способность функционировать в качестве равноправного члена международного сообщества [19]. С ними солидарен их соотечественник и коллега Стивен Краснер, связывающий деградацию государства с потерей способности осуществлять эффективное управление на всей территории страны [22]. Этот взгляд разделяют исследователи из Центра по изучению кризисных государств Лондонской школы экономики, трактующие “неудавшееся государство” как “государство, которое не может более выполнять функции обеспечения безопасности и экономического развития и не контролирует эффективным образом свою территорию и границы” [16].

Другие исследователи считают главным индикатором краха государства неспособность в полном объеме предоставлять населению политические блага, то есть обеспечивать не только его безопасность, но и возможность полноценного участия в политической жизни, а также утрату государством функции источника гражданской идентичности. Такой точки зрения придерживаются американский политолог Роберт Ротберг [27], [28] и американский конфликтолог, африканист Уильям Зартман [29].

Также стоит отметить позицию американской НГО “Фонд за мир” (*Fund for Peace*), публикующей с 2005 г. “Рейтинг несостоятельности государств” [18]. Критерии несостоятельности все те же: потеря государством контроля над территорией, утрата монополии на использование силы, неспособность предоставлять общественные услуги и взаимодействовать с другими государствами.

Приводимые примеры “неудавшихся государств” не оставляют сомнения в том, что исследователи говорят об одном явлении. Хелман и Ратнер приводят обширный список стран, куда в 1992 г. (на момент написания статьи) входили Сомали, Либерия, Камбоджа, Афганистан, Босния, Гаити, Заир (ныне ДР Конго), Эфиопия, Грузия. Краснер пишет об Афганистане, Сьерра-Леоне, Либерии и Заире как о наиболее ярких примерах,

упомягая также Сомали, Ирак, Колумбию, Руанду, Зимбабве. Ротберг называет те же Сомали, Сьерра-Леоне, Либерию, ДР Конго, Афганистан, добавляя к ним “рухнувшие” позже Судан и Анголу. Словом, ядро массива “неудавшихся государств” просматривается отчетливо и коррелирует с “Рейтингом несостоятельности государств” (по данным на 2013 г. среди лидеров – Сомали, ДР Конго, Судан, Южный Судан, Чад, Йемен, Афганистан, Гаити, ЦАР, Зимбабве, Ирак).

Сходство “неудавшихся” государств (в любой трактовке) с джексоновскими “квазигосударствами” – несмотря на различия в определении генезиса явления – видно невооруженным глазом. Некоторые авторы (к примеру, норвежский политолог Стейн Эриксен) считают их синонимами [17], другие рассматривают “квазигосударство” как смягченную форму или начальную стадию деградировавшего государства (американские политологи Кеннет Менкхаус [25] и Мохаммед Айуб [14], их российский коллега М.В. Ильин [1] и др.). В данном контексте стоит упомянуть еще одно понятие из этого ряда – *collapsed state*, переводимое как “**коллапсировавшее государство**” или “**рухнувшее государство**”. Одни авторы (в том числе, Краснер и Зартман) не делают различий между “неудавшимся” и “коллапсировавшим” государством, другие же – прежде всего Ротберг – определяют последнее как крайнюю форму неудавшегося государства: “это чисто географическое выражение, черная дыра, в которую проваливается неудавшееся государство” [27, р. 9]. В качестве примеров коллапсировавшего государства Ротберг приводит Сомали, Афганистан и Сьерра-Леоне, а также Ливан, Нигерию и Таджикистан в недавнем прошлом.

Континуальный характер процесса деградации государства, трансформации его из “здорового” в неудавшееся отражается в использовании некоторыми авторами своеобразных понятийно-терминологических линеек, обозначающих ряд переходных форм от “успешного” до “коллапсировавшего” государства. Такой ряд предлагает Ротберг: “сильное государство” (*strong state*) – “слабое государство” (*weak state*) – “гибнущее государство” (*failing state*) – “неудавшееся государство” (*failed state*) – “коллапсировавшее государство” (*collapsed state*) [27]. Другие авторы используют иные термины: “хрупкое государство” (*fragile state*), “поврежденное государство” (*traumatized state*), “редуцированное государство” (*diminished state*), с одной стороны, – и “эффективное государство” (*effective state*), “самоподкрепляющееся государство” (*sustainable state*), с другой [8; 1]. Фактически все эти политико-территориальные образования отличаются разной

степенью квазигосударственности. Здесь же можно упомянуть и об индексе государственности, позволяющем ранжировать страны между полюсами “успешного” и “несостоятельного” государства [7].

Вернемся к основному вопросу статьи. Большинство исследователей прямо отмечают, что одним из ключевых аспектов деградации и краха государства является потеря способности центральной власти удерживать контроль над всей территорией страны: если в “слабых” или даже “гибнущих” государствах это относится к отдельным сравнительно изолированным периферийным регионам, то в “неудавшихся” и “коллапсировавших” государствах такие процессы захватывают всю их территорию. Указания на это встречаются и у Ротберга, и у Краснера, однако наиболее четко данная мысль озвучена австрийским политологом, сотрудником Академии национальной обороны Австрии Мартином Малеком: «В работающем государстве нет сепаратистских государственных образований, “освобожденных” повстанцами территорий или зон, находящихся под постоянным контролем партизан, боевиков, соседних стран и т.д. Территориальный распад страны – однозначный индикатор крушения государства...» [5].

Характерными примерами лексического сращения концепций фактической сепарации и *state failure* являются термины *failed region* и *failing region*, не поддающиеся точному переводу (в качестве компромиссных вариантов можно предложить “**деградировавший регион**” и “**деградирующий регион**”). Несмотря на редкое употребление, они занимают важное место в общем понятийно-терминологическом ряду, обозначая районы, в большей или меньшей степени выведенные из “ткани” государства в ходе фактической сепарации, наличие которых указывает на текущую деградацию государства. В схожем значении употребляется и родственный им термин *fragile region* – “хрупкий регион” (все они используются в том числе индийским политологом Субой Чандрани [15]).

* * *

Процесс ослабления и деградации государства, приводящий в пределе к его краху, обладает явной пространственной выраженностью. Власть центра никогда не рушится сразу на всей территории государства – ослабление контроля нарастает постепенно, концентрируясь сначала в наиболее уязвимых регионах: периферийных и труднодоступных областях, районах концентрации племенных, языковых, конфессиональных меньшинств, пригородах крупных городов, островных территориях и т.п. Даже в тех ситуациях, когда фактическая

целостность государства вроде бы остается неизменной, и его “падение” разворачивается скорее в секторальной, чем в территориальной плоскости, можно говорить о мелкодисперсном, “линейно-точечном” дроблении политического пространства.

Деградация власти государства и развитие на его территории процессов фактической сепарации всегда сопутствуют друг другу: не столь важно, что в каждом конкретном случае является причиной, а что следствием. Иногда эти процессы не идут дальше временной потери контроля над городскими трущобами и политически малозначимыми территориями, и такие государства корректно именовать “сильными” или “эффективными”. Иногда из-под фактической юрисдикции центра выпадают целые “деградировавшие регионы”, и на этом “распад” останавливается. Иногда же волна фактической сепарации захлестывает все государство, что приводит к его коллапсу и превращению в конгломерат неконтролируемых территорий – “флажок на лужайке перед зданием ООН”, как охарактеризовал их отечественный политолог Сергей Маркедонов [6]. Степень квазигосударственности таких образований достигает критического значения, и порой у исследователей возникает соблазн полностью отказать им в принадлежности к классу суверенных государств – в пользу условной легитимации квазинезависимости составляющих их *failed regions*.

Часто можно услышать мнение, что “государство де-факто” Сомалиленд гораздо более достойно членства в ООН, чем материнское “неудавшееся государство” Сомали, а наделение правосубъектностью Косово или Тайваня – вопрос времени. Кажущаяся простота такого “решения” подкупает настолько, что легко закрыть глаза на некоторые сомнительные его стороны. Дело даже не в том, что во многих случаях сами инсургенты не стремятся к юридическому оформлению самостоятельности подконтрольных им территорий – афганские полевые командиры или бир-

манские наркобароны очень удивились бы, если бы им предложили суверенитет их вотчин. И не в том, что между фактическими и юридическими границами есть заметная разница, а взгляды на процесс трансформации первых во вторые могут серьезно различаться у отдельных политических акторов.

Дело в том, что “внутренний” суверенитет “непризнанных квазигосударств” не является юридически законным, в отличие от “внешнего” суверенитета “неудавшихся государств”. Джексоновские квазигосударства наделены правосубъектностью в соответствии с конвенциональными нормами международного права, соблюдение которых, при всей их условности и даже искусственности, необходимо для обеспечения мировой политической стабильности. Позиция, согласно которой фактический контроль над территорией есть ступень на пути к обретению юридического суверенитета (см., к примеру, концепцию “права победы” [12]) деструктивна по своей сути. Она содержит императив к ускорению деградации государства, подразумевает стремление – если не к полному распаду, то к выводу из его состава полноценных *failed regions*. Последствия ее возможного закрепления в качестве нормы международного права будут катастрофическими.

В заключение вспомним одно из замечаний Пола Колсте, утверждавшего, что даже в случае наделения непризнанных квазигосударств “внешним” суверенитетом они все равно не обретут стабильности и вскоре превратятся в квазигосударства по Джексону. Нет уверенности в том, что Пунтленд будет более жизнеспособен, чем Сомали, а, например, Приднестровье или Южная Осетия не превратятся со временем в бестелесные государства-оболочки. В настоящее время прекрасную возможность проверить эту гипотезу предоставляет пример новообразованного Южного Судана, будущее которого остается туманным. А если так – стоит ли вообще задумываться о соответствующей перекройке норм международного права?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин М.В. *Альтернативные формы суверенной государственности. Доклад на конференции “Двадцать лет карабахскому движению: реалии и перспективы”*, Степанакерт, 22–23.05.2008. Available at: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1253005141.html (accessed 27.10.2013).
2. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. *Полис*, 2010, № 3, сс. 26-39.
3. Колосов В.А., Мироненко Н.С. *Геополитика и политическая география: учебник для вузов*. Москва, Аспект Пресс, 2001. 479 с.
4. Кустарев А. Неудавшиеся государства. *Космополис*, 2004, № 2 (8), сс. 17-36.

5. Малек М. *Распад государств как явление международных отношений*. Available at: <http://www.acnis.am/book2006/malek.htm> (accessed 27.10.2013).
6. Маркедонов С.М. *Государства de facto (2006)*. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article10896.htm> (accessed 27.10.2013).
7. Мельвилль А.Ю., ред. *Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. Москва, “МГИМО-Университет”, 2007. 272 с.
8. Минаев М. Проблематика “слабых государств” в американской аналитике. *Международные процессы*, 2007, т.5, № 2 (14), сс. 86-94.
9. Пискунова Н.И. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? К вопросу о кризисе в Сомали 1990–2008 гг. *Космополис*, 2008, № 3 (22), сс. 79-86.
10. Попов Ф.А. *География сепаратизма в современном мире*. Москва, Новый Хронограф, 2012. 672 с.
11. Попов Ф.А. От “безгосударственной территории” к “государству де-факто”. *Международные процессы*, 2011, т. 9, № 2 (26), сс. 16-28.
12. Ремизов М., Межуев Б., Карев Р. и др. *Признание Приднестровья как гарантия будущего России (2006)*. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article10560.htm> (accessed 27.10.2013).
13. Туровский Р.Ф. *Политическая география: учебное пособие*. Москва–Смоленск, СГУ, 1999. 381 с.
14. Ayooob M. State Making, State Breaking and State Failure. Crocker C.A., Hampson O., Aall P., eds. *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington DC, United States Institute of Peace Press, 2007, pp. 95-114.
15. Chandran S.D. *The Fragile Regions of South Asia. Why States Fail in Parts?* IPCS Issue Brief, no 150, May 2010. Available at: http://www.ipcs.org/pdf_file/issue/IB150-Suba-FailingRegions1.pdf (accessed 27.10.2013).
16. *Crisis, Fragile and Failed States. Definitions used by the CSRC*. Available at: <http://www2.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/crisisStates/download/drc/FailedState.pdf> (accessed 27.10.2013).
17. Eriksen S.S. The Theory of Failure and the Failure of Theory: ‘State Failure’, the Idea of the State and the Practice of State Building. Harpviken K.V., ed. *Troubled Regions and Failing States: The Clustering and Contagion of Armed Conflict. Comparative Social Research*, vol. 27, Bingley, UK, Emerald, 2010, pp. 27-50.
18. Failed States Index 2013. The Fund for Peace. Available at: <http://ffp.statesindex.org> (accessed 27.10.2013).
19. Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States. *Foreign Policy*, Winter 1992–1993, vol. 89, pp. 3-21.
20. Jackson R.H. Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World. Simmons B.A., Steinberg R.H., eds. *International Law and International Relations*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 205-232.
21. Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research*, 2006, vol. 43, № 6, pp. 723-740.
22. Krasner S.D. Sharing Sovereignty: New Institutions for Collapsed and Failing States. Crocker C.A., Hampson O., Aall P., eds. *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington DC, United States Institute of Peace Press, 2007, pp. 653-678.
23. Lapidus G.W. Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya. *International Security*, Summer 1998, vol. 23, № 1, pp. 5-49.
24. McColl R.W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the American Association of Geographers*, 1969, vol. 59, № 4, pp. 613-631.
25. Menkhous K.J. Quasi-States, Nation-Building, and Terrorist Safe Havens. *The Journal of Conflict Studies*, 2003, vol. 23, № 2, pp. 7-23.
26. Norman W. The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics. Moore M., ed. *National Self-Determination and Secession*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1998, pp. 34-61.
27. Rotberg R.I. Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. Rotberg R.I., ed. *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. Washington D.C., Brookings Institution Press, 2003, pp. 1-25.
28. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing, and Collapsed States. Crocker C.A., Hampson O., Aall P., eds. *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington DC, United States Institute of Peace Press, 2007, pp. 83-94.
29. Zartman I.W. Introduction: Posing the Problem of State Collapse. Zartman I.W., ed. *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1995, pp. 1-12.

Spatial Aspects of Failure and Collapse of a Sovereign State

© 2014 POPOV Fedor Arkadievich, Ph.D. (Geography), Research Associate, Institute of Oriental Studie, Russian Academy of Science, Russian Federation, 107031 Moscow, Rozhdestvenka St. 12; Research Associate, Institute of Geography, Russian Academy of Science, Russian Federation, 119017 Moscow, Staromonetny per., 29; Research Associate, Moscow State University, Russian Federation, 119991 Moscow, Leninskiye Gory, Faculty for Geography, Moscow State University (fpopov15@gmail.com).

This paper analyses the connection between two intrastate processes: state failure, leading in extreme case to state collapse, and de facto fragmentation of state's political space. These processes represent two sides of the same phenomenon. The concepts of weak, failed and collapsed state standing for different stages of state weakening with different extent of quasistateness are also analyzed.

Keywords: state failure, state collapse, de facto secession, quasistateness, quasi-state, failed state, weak state.